

6+

Евгения Хамуляк

Сказки
Маруси Козы

Евгения Хамуляк
Сказки Маруси Козы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хамуляк Е. И.

Сказки Маруси Козы / Е. И. Хамуляк — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Друзья, перед вами еще одна былица Евгении Хамуляк, которая расскажет о жизни одной деревенской семьи, оставшейся без кормильца-отца, но при этом не отчаявшейся, а сплотившейся, не потерявшей терпения пережить трудные времена.

© Хамуляк Е. И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Евгения Хамуляк

Сказки Маруси Козы

Жила-была на свете одна женщина, и было у нее восемь детей. Звали ту женщину Маруся Коза. А почему так звали – про то сказ еще будет. Читайте дальше.

Жили они в большом доме на окраине большой деревни вдевятером: мать, семь дочек и один сыночек. Маруся Коза – матушка.

Старшенькая Маня Глазок была не только самая прилежная да учтивая, но и самая красивая. Глаза у нее были большие и, как небо весеннее, голубые-голубые. А еще ее так звали, что она за всеми приглядывала, когда мамы дома не было. Самой большой подмогой матери была. Может, поэтому и наградил Бог ее такой красотой. Говорили, в деревне были красавицы, но эта слыла своей красотой неопишуемой.

Далее Клаша шла, в семье Воробушком прозвали, и была она такая шустрая и быстрая, что везде поспевала. Правда, иногда бралась сразу за несколько дел, не доводя толком ни одного до конца. Но если уж получалось хорошо, то цены ее талантам не было. Голова у нее стоумовая, говорили люди старые про нее. А те зря так не назовут.

Следом Людочка шла, доброй девочкой росла, хорошей. Много не скажешь про нее: больше слушала, чем чирикала. А это бесценное качество и в наши дни, когда все только как помелом мелят.

Вера с Галей погодками были. И так уж повелось, что меж ними всегда ссоры случались, но любовь сестринская была выше всяких разборов. Обе смышленные, шустрые, а коли чего не понимали сразу, подзатыльники Мани и Клаши быстро на место ставили то, что беспорядок создало. Были они искусницы травы всякие собирать да косы плести. Ну и так понемножку по дому годились.

Нина с Лизаветой близняшками были, этакие худенькие две тростиночки. Кто на них смотрел, тот обязательно слезу добрую проливал. Не было в семье роскоши кормить детей конфетками да мармеладками, вот и были девицы тонюсенькими, будто березки молодые, с косичками да сережками... Две пары одинаковых глаз. И где бы они не появлялись – люди от миления забывали куда шли, ибо зрелище было знатное: зеркало со своим отражением гуляет да в скакалки прыгает. Вот так конфетки и мармеладки нет-да-нет в доме и появлялись.

Ну и последним сынок шел, Иннокентием звали. Отец такое имя важное дал.

А вот самого кормильца у семьи не было, ибо времена были темные, и пропал он без вести вот уже как пять лет как. Но Бог, как известно, не оставляет детей своих без помощи и заботится о них, как умеет. И хотя мужа назад вернуть не смог, почему – нам не ведомо, на то, как говорят, воля Божья, зато, чтобы не оставить семью без пропитания, одарил он эту женщину своей милостью – могла Маруся Коза лечить хоть зверушку, хоть человека от любой болезни. И сама семья ее не болела, в работе да заботах забывая о потере, стуже да голоде.

Такосьма и жили.

Дети, хоть и малые были, по дому помогали кто чем может: кто поменьше – ему учили не сорить и зря мамку не беспокоить, а старшие друг за другом да за младшими ухаживали. Оно ведь как бывает – правду не поймешь, пока горе не придет. А здесь все понимали, что, если маме не помогать, еще одно горе накликать можно... Похлеще да пострашнее. А может, просто были эти дети воспитаны сызмальства как положено, ибо родились все в большой любви, от любящих и уважающих друг друга родителей, несмотря на то, что жизнь суровая их разлучила.

И покамест мамка по домам ходила скотину на ноги поднимать и людей бедных врачевать, в энто время люди приходили и, кто чем богат, за добро добром платили.

Тяжело жилось этой семье, особенно без помощи мужской, которая порой в силе одной руки проявляется или во взгляде, надежды и благородства полного. Но жили – не тужили,

жаловаться что есть забыли. Ибо каждый понимал: счастье ихнее было не в роскоши, а в совместном житье-бытье душа в душу.

А любовь, которую мамка несла в дом, как молоко теплое, разливалась каждому сколько надо было. Не все гладко было, да насыщенное сглаживало быт.

Маруся Коза с ночи или с утра раннего уходила, как кликать начинали ее на помощь, а, как известно, заварухи да напасти на ночь глядя приходят, все оттого, что темень чертей кормит. А к рассвету, с петухами, солнце алое нечисть жжет и гонит прочь и дает врачевать хвори, если на то Бог волю свою разрешает. Поэтому приходила Маруся Коза домой поздно, иногда за полночь, усталая и еле живая. Взрослые девочки уже убирали стол после себя и младших и накрывали стол для мамки своей.

Дом был большой, но жили все в малой комнате: служить и обогревать ее было сподручнее, да и умещались все, что зря жаловаться – в тесноте, да не в обиде, как говорится. Печки в те времена были большие и теплые, как руки и объятия мамыны, беленые и пахли пирогами с морковкой. А остальные комнаты прибрали чисто и заперли до времен лучших, когда папка вернется, и все наладится, как и раньше, и каждая из девушек свою комнату занять сможет.

Жили просто, и в суете сует забылось плохое; пироги с морковкой, правда, тоже забыть пришлось, из сладкого токашма печеные сухарики из свеклы водились, но зато сладкие – никто не жаловался.

Приходила мамка, садилась за стол большой дубовый, клала руки свои белые на стол, а голову на руки. Заходили сзади Маня с Клашкой, старшие девочки, и руками своими молодыми проворными расплетали косы ее русые, длинные, у корней чуть седые уже не по возрасту, по утрате своей и жизни непростой.

Работу, что Клаша с Маней оставляли, три другие, что помладше – Люда, Вера и Галя, – быстро с ней справлялись: вмиг посуду перемыть, стол заново накрыть и по тарелкам, что Бог сегодня послал, разложить. Бывало, ничего не посылал. Ну так чай пили с травами, которые летом всей семьей собирали и под потолок вешали. Вкусный чай-то бывал, сладкий и горький от трав полевых. Две маленькие, что на лицо будто одна, Нина с Лизаветой ластиться да целоваться приходили, от поцелуев сладких которых вся усталость материнская проходила.

Ну и, наконец, скромный до всех, последним с печки слезал Иннокентий, пятилетний сынок Марусин, которого в доме Кулей звали. Так его еще отец называл в честь деда своего, а Кулей по-доброму кликал, потому как последний раз сына видел, когда его в кулке ему показали, будто пирожка. Так все его и стали привечать, по-доброму смеясь и радуясь. Куля обычно хмурился: в душе ему ни первое, ни второе имечко никак не оседали, но при людях не отнекивался, отзывался, раз отец так называл – значит, хорошее имя, плохое б не дал.

Слезал с печки и к маме шел, медленно и нерасторопно.

Уж больно маму любил, что как видел ее издали – плакать хотелось, так прижаться желал. Но отродясь помнил мальчик, что девки вокруг; мало ли что сестры – все равно бабы, нельзя, знал, слабеньким быть и выказывать слабость свою. Мало ли напасть какая, он один в семье мужик, только дай смолоду слабости разок выйти! Пару раз по неразумности дал, так такие ручьи слез вылились, самому страшно было, что в нем мокрости столько. И понял он, мокрость – тоже девка, нельзя ее расстраивать. Поэтому шагал медленно, чтоб не растрясти болото это.

Ну, а как к мамушке прижимался, забывал все: голова от запаха ее кружилась, тепло шло от нее, как от молока козьего парного вкусного, и так уж она его любила, что, словно девочку, целовала во все щеки и в затылок русый. Он не сопротивлялся, даже про окружение забывал и про мокрость. Чуток все-таки давал волю слезам, но тихо, как положено. И обязательно просил он мамушку сказку на ночь рассказать. И не могла Маруся Коза, хоть и мертвая от усталости бывала, отказать. Да только какие сказки, когда жизнь такая стала, что сама на сказку похожая, порой с такими поворотами, что самому Илье Муромцу не снилось. Поэтому, откушав, что

люди добрые за день нанесли, тут же садилась и рассказывала что знала, что на душе за день накопилось, что навеялось, что думалось.

А порой с ног валилась, так и не начав сказку-то. Да дети не обижались, мамку жалко было, не будили, так и оставляли спать, укрывали только потеплее.

Но был день сегодня необычный – праздничный, предпасхальный. А, как водилось, перед Пасхой люди болели меньше: то ли Боженька жалился над народом, то ли в приготовлениях да в настроениях болели люди меньше, кто их разберет благочестивых.

Мамка обычно раньше вечера приходила, да тоже чего-то успевала приготовить, накрыть на стол, что припасли, а на десерт, как говорили в городах больших, просили рассказать что-нибудь интересное: про папку, про любовь их большую, про то, как, кто и когда родился, про то, как Пасху празднуют в других городах да селах и про всякое разное.

Удивлялася Маруся детям своим, как они могут про одно и то же по десять раз расспрашивать и радоваться, словно в первый раз слышат, но соглашалась – других подарочков желанных на святой этот праздник у нее все равно для детишек своих не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.